

РУКА потянулась к привычному: написать рецензию.

Передо мной несуетная, умная книга, плод многолетних наблюдений и живой мысли, не раскожей, не уставшей в неуюте и борениях полувека, не поддавшейся скептицизму, мысли, явившейся не поучать, а увлечь, захватить действительностью былого. Даже если актер ушел от нас дватри десятилетия тому назад, а кинематограф не запечатлел его, он, наш современник, в чем-то так же далек, так же таинствен для молодых, как и великие Щепкин, Мочалов или Стрелетова. Но если кинообъектив и успел сохранить что-то отрывочное и случайное, убежден: движущиеся по плоскости фигуры не передадут и половины жизненной полноты, меняющихся красок, интонационного богатства, наконец, великой тайны выдающихся сценических созданий. Передать все или почти все под силу слову, особому, редкому слову, а людей, владеющих им, скаречно, обескураживающе мало.

В книге, о которой мне захотелось написать рецензию, проходят чередой люди русского театра начала и середины XX века: Вахтангов, которого мне привелось увидеть живым, а вслед за Вахтанговым те, чьи голоса и сценические образы близки, хорошо знакомы, так что порой страницы книги кажутся и твоей ожившей памятью, нахлынувшим из глубины времени волнением, возвратившимся к тебе духовным богатством. Кряжистый, размашистый и такой непредсказуемый во всем Алексей Дикий; Андрей Лобанов, создавший театр, который долгие годы решительно лучше всех других театров понимал современность и выражал ее в формах, близких самой современности; Рубен Симонов, Михаил Астангов — пожизненный друг и собеседник автора, Лев Свердлин, Ольга Пыжова, Эраст Гарин...

Почему бы и не написать рецензию? Почему что-то упрямо воспротивилось этому именно сегодня, в лихорадочно обновляющейся жизни, в кипении гражданских страстей?

Рецензия канет. Сегодняшняя рецензия завтра — клочок вчерашней газеты. И это не беда — тщеславие театрального критика особое, скудные радости быстро схлынут, придет успокоительная мысль: когда-нибудь и этот «клочок» понадобится, что-то объяснит, поможет кому-то сложить мозаику былого.

Но недобро обожгло другое: а не канет ли и книга? Не уходят ли они в полынью забвения, не сделав своей неременной работы? И тревожная, временами, не скрою, раздраженная мысль обращается к судьбе не отдельной книги, а личности, к судьбе театрального писателя, Мастера, с такой гордой и завидной уверенностью исполняющего предназначение жизни. Нынешние наши дни — время благодетельной концентрации гражданских страстей вокруг главных проблем, общественных вопросов, книг, и жалок, по мне, литератор, угнетенный тем, что среди споров о романах Вас. Гроссмана или В. Дудинцева незамеченным или недооцененным остался его скромный труд.

Книга Александра Мацкина, о которой мне захотелось написать — «Театр моих современников» — предвращается признанием автора: «Общая задача книги, выраженная в ее названии, — сохранить в памяти, уберечь от забвения прекрасное искусство моих старших современников, которое в силу его недолговечности и неумолимых сроков ушло со своей эпохой, и еще раз напомнить новым поколениям читателей о богатстве и разнообразии нашего театра давнего и недавнего прошлого».

Напомнить новым поколениям...

Не обольщается ли автор? Не по старинке ли он мыслит, воображая идиллическую картину: седовласого учителя и почтительно внимающих ему неофитов? Не разбредлись ли они безнадежно, ученики восьмидесятых, не слишком ли они суетны, прагматичны, чтобы тратить время на летописи былого? Читаю статьи и интервью лучших наших режиссеров — последним по времени было интервью с Г. Товстоноговым в «Известиях», — и при всех добрых словах о молодых, о талантливой актерской смене улавливаю и жесткую тревогу: убывает одержимость Театром, не только родным коллективом или своей актерской карьерой, точнее художественной судьбой, а высочайшим, требующим всего человека, всей его личности призванием Театра, его духовной единственностью. Как увлечь молодых книгой, о которой не кричит экран телевидения, не спорят до поминения критики и даже специальной печати словно бы недосуг о ней заговорить? Книгой, которая нужна, как дорога, шагаем ли мы спокойно или бежим надрывно, — даже и воспарившему к облакам она в свой час понадобится непременно.

Однажды я уже писал о том, как много значили для читателей тридцатых годов статьи А. Мацкина, его независимая мысль и особый, редкостный дар аналитика, всегда тем не менее остававшегося верным зеленому древу жизни. Обращаясь к одному лишь примеру: во второй половине тридцатых годов наш театр широко распахнул двери пьесам Пристли. Ни Брехт, ни Де Филиппо впоследствии не вызывали столь повального увлечения. Увлечение отнюдь не предосудительное, пусть мода, но не дурная, со слабостями и прямолинейностью, свойственными всякой моде. Статья А. Мацкина в журнале «Театр» поначалу ошеломила: это было не намеренное развенчание кумира, а трезвый и скорее сочувственный, но прежде всего трезвый художественный и социальный анализ драматургии Пристли, не изгнание его с русской сцены, а помощь режиссуре и актерам в истолковании пьес английского драматурга.

Александр Мацкин начал много раньше, в середине двадцатых годов, — я обратился к тридцатым, когда личность критика вполне сложилась, а его независимость от «групп» и «направлений», независимость от официоза, сегодня даже трудно объяснимая самостоятельность оценок снискали ему высокий авторитет у людей театра.

Но театральному критику позволено «умереть» в сотнях напечатанных за жизнь рецензий: пуб-

ГОДЫ, ЛИЧНОСТЬ, СУДЬБА

ликуя их, он как бы навсегда исторгает из себя спектакли и пьесы, и собственные преходящие страсти. Сколько я повидал на своем веку неутомимых, славных хроникеров сцены, от патриарха этого цеха Всеволода Чаговца, театрального критика «Киевской мысли», от Радзинского-старшего, неутомимого одесского театрала, до безвестных рецензентов, анонимов театральной летописи! Некогда А. Суворин, издатель «Нового времени», собрал под роскошный, одетый в дорожную рогожку переплет все свои рецензии на гастрольные спектакли украинской труппы в Петербурге конца прошлого века, напечатал их на мелованной бумаге по одну сторону страницы, но это не сделало ворох его рецензий книгой.

Ожесточенный разгром литературы и искусства в первые же послевоенные годы, преследование высокой поэзии, честной, правдивой прозы, пьес и спектаклей, кинофильмов и творчества талантливейших композиторов оборачивались вся-

кий раз и разгромом критики: если по сталинистской табели о рангах критик только околоточный надзиратель, а то и дворник с метлой, то кому же и отвечать за беспорядок, как не ему. А январь 1949 года ознаменовался еще и бенедиксизмом критики, погромом «критиков-антипатриотов», или иначе — «безродных космополитов». Но как ни жестока и предусмотрительна репрессия, ресурс здоровой жизни, ее внутренние творческие богатства неизмеримо сильнее — подвергнутые остракизму и поношениям, театральные критики сумели это доказать. Лучшие из них еще и до января 1949 года отошли от театральной текучки, не имея возможности сказать, напечатать хотя бы и полуправду о грошовых пьесах и унижении этими пьесами выдающихся мастеров сцены, а скоро политический и административный произвол попросту и надолго отторг их от театра и печати согласно прямому приказу Маленкова не допускать их на «пушечный выстрел» к «святому делу партийной печати». Но именно в эти годы создал лучшие свои монографии и исследования по истории западноевропейского театра Г. Бояджиев; Ю. Юзовский довершил фундаментальный труд о драматургии Горького; К. Рудницкий выступил со значительными книгами о драматургии Сухова-Кобылина; Е. Холодов достойно ответил своим хулителям оригинальным исследованием драматургии А. Н. Островского и т. д., и т. п.

А в плеяде лучших, не побоюсь этого несколько приподнятого «звездного» слова, и место ошельмованного тогда же Мацкина. Дорога, которой он пошел и идет по сей день, быть может, самая трудная, но она из самых необходимых, жизненно важных для нашей культуры, для сохранения преемственности. Ничто не может так упростить духовные опоры искусства, как трезвая, безлестная конъюнктурщины, оценка богатства и разнообразия «нашего театра давнего и недавнего прошлого». Последнюю, недавно вышедшую книгу А. Мацкина, о которой я замыслил было написать рецензию, я вдруг увидел в логической, смысловой цепи других его книг, начиная с 1959 года, когда вышел из печати его сборник «Образы времени». За ним последовали «Портреты и наблюдения» (1973), «Орленев» (1977), «На темы Гоголя» (1984), выпущенные, как и «Театр моих современников», издательством «Искусство».

«Портреты и наблюдения» — уникальный триптих, три редкостные по плотности, по новизне и доказательной силе монографии о крупнейших режиссерах и реформаторах сцены: К. С. Станиславском, Вл. И. Немировиче-Данченко и В. Э. Мейерхольде. Сегодня они читаются с еще большим интересом, чем в год своего появления — 1973-й. Именно потому, что сегодня наша история, бывшее подвергаются требовательному, нелицеприятному, спасительному для искусства смотру, что критический взгляд на многое в нашем прошлом стал насущной необходимостью общества, а правда, что ни говори, берет верх над ложью и ее метастазами, — именно поэтому бесценны благородные страницы былого, мужественные портреты и честные судьбы. Ведь книга 1973 года о том, как неотвратимо движение подлинного таланта к революции, как судьба истинного мастера неотделима от судьбы народных. Бесконечно контрастные личности, словно бы и без тени сходства, а какая открывается общность не в случайностях судеб, а в художественном, гражданском их существовании внутри трудного, то и дело несправедливого, жесткого времени. Три богатырские личности возникают перед читателем не только с достоверностью научной, но и с той, я бы сказал, романной достоверностью, когда тебе открывается весь человек. (Этот дар исторической художественной изобразительности, редкой для театральной науки психологической полноты с особой силой выразился в книге

об Орленеве — не только превосходном очерке жизни и творчества актера, но и глубоком научном исследовании провинциального театра России, старых антреприз, первых серьезных попыток создания народного театра).

Случилось самое доброе, что могло случиться: жизнь, прожитая в театре более чем за полвека, не ушла из памяти и сердца, образы прошлого не канули вместе со старыми статьями и рецензиями, сохранилось все до мельчайших подробностей, сохранились и молодая яркость красок, и само зрительское волнение. А после всего удесятерилось архивными поисками, мудростью прожитой жизни. Сложите воедино пять книг Александра Мацкина, выношенных и выстраданных автором, и вы получите своеобразную энциклопедию русского советского театра, проникните в тайное тайных многих его мастеров — Михаила Чехова, Хмелева — молодого и зрелого Хмелева-триумфатора, Леонидова, Алексея Дикого, Тарханова, Москвина, Степановой, Бабановой, Пыжовой, и несть им числа. Найдете не беглые упоминания, не справочный набросок, а портрет, тайну, ответы на многие вопросы, кроме тех, которые так и останутся без ответа, ибо его по простивши времени нет.

Такого рода труд, такая энциклопедия нужна нашему интеллекту и душе так же, как человеческому дыханию необходимо сохранение извечного, как казалось нам, слоя озона в атмосфере. И чем круче, чем обнажающе правдивее оцениваем мы черные, трагические страницы нашего прошлого, тем важнее становятся все проявления чести, мужества, неугождающего таланта. Я понимаю многих людей, ошеломленных открывшимися в прошлом безднами, — не тех, кто готов в рабском, недобром усердии вновь и вновь поднимать над головой бесчеловечный, черный штандарт сталинизма, а тех, кому по неразумению или незрелости показалось, что посягают на их прошлое, их молодость и многолетний труд, на их веру, безотчетную веру, без подкупа и расчета, но слепую, готовую даже и к самопожертвованию. А рядом молодые, те, кому вдруг надоедают наши споры о прошлом, кому недосуг разобраться в нем, а проще отмахнуться, неуважительно, а то и брезгливо отвернуться от отцов и дедов. У поэзии и прозы пути к сердцу людей короче, достигимее, потому так велики сегодня их «стратегические запасы», так зримо их раскрепощающее влияние на общество.

Науке, в том числе и такой немерной, «зыбкой» науке — науке-публицистике, науке-искусству, — как театроведение, все куда сложнее, да она и адресуется сравнительно узкому кругу читателей. «Театр моих современников», очерк за очерком, погружает нас в кипение прожитой, но никак не изжитой жизни — едва ли не все в ней обращено в день сегодняшний, к нашим нерешенным вопросам. Читая ее, отчетливо понимаешь, что жизнь талантливейших современников Александра Мацкина не замкнута во времени — она упорно, хотя порой и не сознавая этого, искала пути в будущее, в наши дни.

Но я опять порываюсь написать рецензию на любимую книгу, когда нужно внятно сказать, что рядом с нами на протяжении почти всех советских десятилетий живет незаурядный человек, хранитель богатства, но хранитель щедрый, только для того и копивший богатства памяти, чтобы отдать их нам.

Достаточно ли мы ценим труд людей из не-престижного племени критиков?

Александр БОРЩАГОВСКИЙ.